А. С. Демин

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

В предлагаемом обзоре (о судьбе древнерусских мотивов в наше время) мы рассмотрим русскую поэзию постсоветского периода 1992–2007 гг., то есть поэзию за последние 15–16 лет. Так как за этот, казалось бы, не такой уж большой промежуток времени было написано неисчислимое количество стихотворных произведений, то мы посчитали целесообразным просмотреть лишь более или менее представительную часть общего целого, а именно – поэтические циклы или подборки в некоторых московских толстых журналах, охотно собирающих со всей России и печатающих новые стихотворения на древнерусские темы («Наш современник» и отчасти «Москва»).

В получившемся беглом обзоре анализируются прямые стихотворные высказывания поэтов, как подробные, так и краткие, но только непосредственно о древнерусских лицах и событиях. Прочее остается вне рассмотрения: не дается оценки каждого стихотворного произведения в целом – не наше это дело; не обозреваются иные темы, отличающиеся от названной, – фольклорные, религиозные и библейские мотивы новейшей русской поэзии; не привлекаются к обзору и стихотворные переводы и переложения древнерусских памятников, когда отношение нынешнего поэта к Древней Руси выражается лишь очень скрыто.

Поэтический материал располагается нами по исторической хронологии затрагиваемых тем; в каждом случае определяется степень распространенности соответствующих мотивов в новейшей русской поэзии, по мере возможности указываются использованные поэтами древнерусские источники и – главное – направление их переработки поэтами. Обобщения следуют в конце обзора.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-04-00544а.

Апостол Андрей Первозванный

Апостол Андрей, о путешествии которого из Крыма к месту будущего Киева и к новгородским словенам рассказывается в самом начале «Повести временных лет», является редким персонажем новейшей русской поэзии. Лишь однажды апостола Андрея упомянул *В. И. Шемшученко* в своем стихотворном цикле «Взыскующего небо сохранит», когда воспевал Тамань:

Я не знал, что Андрей Первозванный
Здесь из греков в варяги прошел.
(Москва. 2005. № 10. С. 85).

Мифическим сообщением о том, будто бы апостол Андрей посетил Тамань, поэт, услышав какую-то местную легенду или прочитав некую краеведческую работу, смело дополнил летопись в целях придания Тамани более высокого исторического статуса.

Древние племена

Славянские племена – тоже редкий объект новейшей русской поэзии. Для одних поэтов – это, так сказать, «вкусные», исполненные значительности названия, как, например, для *А. В. Шацкова* в цикле «Высокое мгновение», в стихотворении «Рождественское»:

Кривичи, радимичи и вятичи
По деревням, селам, городам...
(Наш современник. 2005. № 12. С. 38).

У других поэтов – это повод для несколько раздраженного этнографического суждения, как, например, для *В. В. Брюховецкого* в стихотворении «Эта прошлая жизнь...»:

О, бесстыжая Русь! Сплав сармата с тунгусо-эвенком.
(Наш современник. 2006. № 4. С. 68).

Аналогичную мысль, но уже в форме шутливого каламбура высказал *А. Горшков*:

Новгородец, живший возле чуди,
Сам на чудей смахивал чуть-чуть.
(Наш современник. 2004. № 10. С. 156).

За всем этим присутствует внушаемое поэтами представление о множестве, распространенности и многоликости славянства.

Кирилл и Мефодий

Поминание просветителей славян в новейшей русской поэзии немного чаще встречается сравнительно с иными темами, имеющими отношение к Древней Руси. Для поэтов Кирилл и Мефодий – это неясно представимые составители ясно представимой славянской азбуки. Один из поэтов попытался изобразить процесс создания и обучения этой азбуке, конечно, исходя из самых общих знаний о роли Кирилла и Мефодия, которые у него остались почти бесплотными фигурами. *Ю. М. Ключников* в цикле «Жива земля, пока жива Россия», в стихотворении «Аз есмь» торжественно провозгласил:

Когда облечься письменною плотью
Пришел душе славянской звездный час,
Ту плоть Кирилл и брат его Мефодий
Определили первой буквой –
«Аз».
– Аз есмь – мой предок тонкой вывел кистью.
(Наш современник. 2004. № 10. С. 113).

Автор стихотворения представил составление славянской азбуки, пожалуй, как публичное зримое действо, и поэтому у него славянская душа облекается видимой плотью письмен, а ученик или писец выводит слово, правда, не пером, на пергамене, а тонкой кистью – следовательно, то ли на иконе, то ли на фреске.

Другие авторы довольствовались еще более расплывчатыми, но по-прежнему энергичными риторическими обозначениями вселенского значения подвига Кирилла и Мефодия. Вместо звезд («звездный час») участником деяний становилось солнце, как, например, в стихотворении *В. Ф. Терехина*:

Солнечным светом наполнить глагол
Призваны были Кирилл и Мефодий.
(Наш современник. 2004. № 6. С. 43).

Или вообще на звуки, время и пространство воздействовала славянская азбука у того же В. Ф. Терехина в стихотворении «Колокол» из цикла «Чем успокоится душа»:

«Громче» – попросил Мефодий.
«Звонче» – подхватил Кирилл.
Сдвинуть время и пространство
Смог славянский алфавит.

(Наш современник. 2006. № 7. С. 29).

Тут Кирилл и Мефодий, возможно, помимо воли автора, стали напоминать участников бойкого музыкального ансамбля.

У вышеупомянутого же В. И. Шемшученко эмоция противоположна бравурному настрою: Кирилл и Мефодий превратились в печальные символы несправедливо забытой культуры – в цикле «Родные мои пеньки», в стихотворении «Ветеран» о том,

Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.

(Наш современник. 2004. № 4. С. 38).

О них поэт горестно напомнил нашим забывчивым современникам.

Языческие божества

Древнерусские языческие божества поминаются современными поэтами, как правило, с уважением и даже симпатией. Так, *Д. Коротаев*, явно знакомый с перечнем языческих богов в «Повести временных лет» под 980 г. и, вероятно, с наставлениями Владимира Мономаха в его «Поучении», причудливо переосмыслил роль идолов и представил их как надежных спутников и помощников славян, даже как почти христианских борцов с сатаной:

Мой предок был и груб, и нагл,
Но равно – честен и умен,
И твердо вел его Симаргл
По темной лестнице времен.

Он делал только то, что мог.
Знал меру в лени и еде.
И привередливый Дажьбог
Не оставлял его в беде.
Он пел, эол гуслярских струн,
А если был черед войне –
Его копье держал Перун
И метко бил по Сатане.

(Наш современник. 1994. № 9. С. 109).

Вполне достойное прошлое. Только непонятно, почему Дажьбог назван привередливым.

Та же тенденция оправдания и возвеличения языческих богов, но с еще более явственной ориентацией автора на «Слово о полку Игореве», проявилась в стихотворении *А. Гребнева* «Заповедная тишина»:

И славой опять заклубится дорога
Испытанных битвами внуков Стрибога!
И грозные в небе замолкнут перуны.
И песню ударят Бояновы струны!

(Москва. 1997. № 10. С. 18).

В грозное славословие проникли и многочисленные странности. Например, почему русское войско поэт назвал внуками Стрибога, бога ветров, в то время как в «Слове о полку Игореве» русские названы внуками (т. е. потомками) Даждь-Бога, а ветры, названные внуками Стрибога, выставлены силой, враждебной русским? Видимо, А. Гребнев ориентировался на наше современное вполне положительное сравнение «быстрый, как ветер» и перенес положительную эмоцию на внуков Стрибога, не очень отчетливо помня «Слово о полку Игореве».

Явную симпатию к язычникам проявил *Е. Н. Семичев* в цикле «Я без души не лезу в драку». Киевский князь Владимир Святославович приказывает скинуть Перуна в реку, а уклончивые киевляне жмутся:

– С кручи в Днипро опустите его,
Яко гнилое полено.
– Солнышко-князь! Мы и так, и тово...
Море ему по колено.

(Наш современник. 2001. № 9. С. 66).

Если не по букве, то по духу это соответствует рассказу летописца под 988 г., который все же сочувствовал киевлянам, застигнутым врасплох страшным приказом князя.

Языческие боги стали вызывать откровенно лирические чувства у некоторых поэтов. Например, *О. Старостина* в стихотворении «Перун», переосмыслив новгородское предание, изобразила этого идола неуклюжим, но вызывающим жалость существом, пострадавшим от принятия христианства новгородцами:

Как столкнули в Волхов его дубовую тушу,
И поплыл идол, да не вниз по реке, а в гору,

К Ильмень-озеру выплыл да там и вышел на сушу,
Деревянные стопы правя к дремучему бору.
(Наш современник. 1997. № 8. С. 96).

Увлекательно, не правда ли, заняться поисками его останков или того места?

А другой поэт – *Н. Сербовеликов* – в книге «Врозь живем на свете этом...» (М., 2000) высказал надежду найти покой и уют у языческого капища:

И однажды в мире сем подлунном
я желал бы наконец проснуться
и открыто к капищу Перуна,
как домой, на родину вернуться.
(С. 31. Цит. по кн.: *Казначеев С. М.* Современные русские поэты: Этюды. М., 2006. С. 296).

Все это не неоязычество на полном серьезе, а попытки поэтов найти моральную основу современной жизни в далеком и, как им кажется, идеальном прошлом.

Олег Вещий

Вопреки нашему ожиданию, киевский князь Олег довольно редко и невнятно упоминается современными поэтами, обычно припоминающими на тему об Олеге стихи Пушкина, а не летопись. Так, *В.И. Кочетков* в цикле «Дойти до своих» в стихотворении «Советники» упомянул «глупых хазар, разбитых славянским коúнгом Олегом», который предстает как «воинственный Рус с отважной дружиною светловолосых» (Наш современник. 1997. № 2. С. 6). Но в «Повести временных лет», уважительно относящейся к хазарам, нет сообщений о войнах Олега с хазарами (их разгромил Святослав) и не употребляются отрицательные эпитеты по отношению к хазарам. В.И. Кочетков, ценящий в первую очередь воинственность Олега, явно воспользовался «Песнью о вещем Олеге» А.С. Пушкина, а также откуда-то вычитанными историческими сведениями о варягах, но свел все к одному – к идеалу мужественности.

Соответственно *И. Тюленев* не совсем «лепо» смешал очень смутные припоминания, заимствованные им из летописного рассказа под 907 г. о походе Олега на греков и из стихотворения А.С. Пушкина «Щит Царьграда», с собственными немотивированными фантазиями:

Я вспомню день, когда я был народ,
Когда к Босфору прибивал свой щит.
Сидел на стругах древнерусский флот.
... ...
В Олегов щит бью пикою своей,
Чтоб затупить на брата острие.
(Наш современник. 1997. № 7. С. 9).

В летописи Олег *повесил* свой щит во вратах Царьграда, у Пушкина – не совсем точно: *прибил*. То, как можно прибивать щит к морскому проливу Босфор, вообще вообразить невозможно. Кроме того, флот Олега, по летописи, состоял из кораблей, а воины были вооружены копьями. У И. Тюленева же это войско больше похоже на гораздо более позднее – казачье: сидит на стругах и с пиками. Наконец, битье по щиту, чужому или своему, а также затупление оружия никогда не служило символом примирения с врагами или отказа от междоусобиц в Древней Руси. В результате мешанины понятий и некоторой бессмыслицы в стихотворном повествовании образ Олега отсутствует у автора, а облик иступленно-лирического героя стихотворения приобретает комичный истерический оттенок, вовсе не предусмотренный патриотичным автором.

Символические высказывания поэтов, упоминающих Олега, содержат еще большую, хотя и менее заметную мешанину понятий. Например, *Д.Е. Кан* в цикле «Славяне, обреченные на славу...» оперировала следующими символами:

Но в дни затменья да пребудут с нами
Олега щит и Святослава меч.
(Наш современник. 2004. № 8. С. 119).

Упоминание затмения, конечно, соотносится со «Словом о полку Игореве», а упоминания Олега и Святослава отсылают нас к летописи. В контексте стихотворения затмение у поэтессы символизировало несчастье, нападение врагов, а щит и меч – охрану, оборону от напавших. Олег же и Святослав символизировали успешных древних защитников Руси.

Однако тут который раз можно заметить типичные смещения в неотчетливой исторической памяти поэтов. В летописи щит Олега был связан с его нападением на Царьград, а не с защитой Руси. Точно так же меч Святослава, не любившего Русскую землю и перенесшего свое княжение в Болгарию, тоже был связан с его нападением из Болгарии на Византию, а не с защитой Русской земли: подаренным мечом пытались

подкупить Святослава греки, и он этот меч поцеловал из любви к оружию вообще (в летописном рассказе под 971 г.); никакие другие мечи не сопрягались с деятельностью Святослава. Патриотизм поэтессы оказался основанным на грубых переосмыслениях источников, – все ради прославления военнообразцовой Древней Руси.

В стихотворении той же поэтессы, написанном несколькими годами ранее, наблюдаются еще более резкие смешения, – поступки Олега и Святослава перенесены на все древнерусское войско:

Ты на врата византийской империи
свой водружавшее щит.
… … …
Ты, целовавшее меч.
Русоволосое русское воинство –
буйные кудри до плеч.
Копья врагов о щиты затупившее.
… … …
непобедимая рать соколиная.
(Наш современник. 1999. № 7. С. 29).

Соколы – это уж из «Слова о полку Игореве». Однотипные прославительные детали кочуют по разным стихотворениям разных авторов.

Княгиня Ольга

Летописные рассказы под 945–946 гг. о княгине Ольге, разумеется, производят впечатление на современных русских поэтов, которые, если используют их, то переосмысляют до неузнаваемости, щеголяя оригинальностью переосмыслений. Так, *А. М. Макаров* в цикле «Любить не умею без веры», в стихотворении «Прикосновение», почему-то считая себя древлянином, проникся острой жалостью к древлянам, которым Ольга на самом деле умно отомстила за убийство своего мужа князя Игоря, и укорил якобы жестокого Нестора-летописца:

Простите Ольгу, недалекие древляне,
бросали в ямы вас, обманывали, жгли
… … …
О, как жестоко мстит убитый вами Игорь
… … …
Вот хаос птичьих стай: к хвостам их привязали
горящие труты…
… … …

Я летопись листал и слышал запах места,
я слышал рев огня и видел отчий дом,
который позабыл в строку поставить Нестор.
(Наш современник. 1993. № 2. С. 93).

Древляне, так сказать, жертвы центральной власти.

Аналогичную перестановку акцентов проделала и *С. Леонтьева* в цикле «Янтарная веточка», в стихотворении «Месть Ольги»:

Ни Ольги, ни древлян... Могилы молчаливы.
... ...
Сожжен Искоростень. А мести страшен свет.
... ...
... Но летопись читая,
по запаху страниц почуяла укор.
... ...
Горящий птичий хвост. Почти живой костер.
На надо! Подожди!..
(Наш современник. 1999. № 12. С. 145).

Здесь нет политического подтекста, просто – жалко.

Еще одна женщина тоже пожалела деревлян – *Н. Тимченко* в стихотворении «Завоеватель»:

Твое имя крестили
в реке славяне,
Твоих предков Ольга
сжигала в бане.
(Наш современник. 2002. № 7. С. 183).

Новые настроения имеют тенденцию быстро, как эстафетная палочка, распространяться среди современных поэтов.

Переосмысление другой темы – крещения Ольги – находим у *Н.Н. Егоровой* в цикле «Червонное солнце над миром звенит...», в стихотворении «Ольга»:

Пускай среди сосен и снега
Примером для северных стран
Покрестятся Днепр и Онега
Ледовым крещеньем славян.
... ...
И ты, ледяная княгиня,
Бобра и медведицы мать, –
Не местью своею отныне
Поставлена повелевать.
(Наш современник. 2004. № 8. С. 132–133).

Не вдаваясь в истолкование различных мелких намеков на летопись в стихотворении, обратим внимание на главное: крещение Ольги состоялось не в Русской земле, а в византийском Царьграде и отнюдь не было таким по-зимнему холодным, грозным и даже зловещим, как это получилось у поэтессы. Но ведь поэтессе так хотелось показать тяжелую силу славянских деяний.

Рогнеда

Летописный сюжет о гордой полоцкой княжне Рогнеде Рогволодовне, которую киевский князь Владимир Святославович насильно взял себе в жены, убив ее родителей и братьев, лишь однажды использован в новейшей русской поэзии, – *Н. Н. Егоровой* в стихотворении «Рогнеда» из цикла «Под распевы древней литургии»:

Умчались по санному следу,
Отец твой убитый и брат.
Ты входишь в преданье, Рогнеда,
В кровавой рубахе до пят.
Текут твои древние слезы
На алые нитки шитья.
… … …
И вьется судьба, словно нитка,
По краю волчаной дохи.
… … …
Ты мужу бросаешь: «Убийца!»
(Наш современник. 1999. № 9. С. 94).

Н. Н. Егорова, несомненно, знакомая с «Лаврентьевской летописью», с ее материалами под 980 г. и 1128 г. (о Владимире и Рогнеде), а также под 1096 г. («Поучение» Владимира Всеволодовича Мономаха, содержащее символ похоронных саней), превратила известную легенду об оскорблении Владимира Рогнедой в красивую и благородную романтическую картину, во что-то вроде яркой цветной миниатюры, на века запечатлевшей «древние слезы» поруганной Рогнеды. Сочувствие чужой беде сейчас дорогого стоит. Поэтому жалеют и бедолаг-древлян, и поверженного Перуна.

Кроме того, имя Рогнеды используется поэтами для провозглашения идеи своеобразного интернационализма. Оттого, например, признал *В. Потапов* в стихотворении «Две крови»: «Я – сын Рогнеды и Хасана» (Наш современник. 2002. № 7. С. 180). Дело здесь не в именах, а в племенах – славянском и

тюркском. Но вот незадача: Рогнеда была варяжкой, а не славянкой. Неверная реалия подпортила высокую идею.

Крещение Руси

После гомерического славословия крещению Руси в юбилейные 1980-е гг. русская поэзия примолкла на эту тему, и за последние годы можно указать лишь одно стихотворение, сравнительно подробно разрабатывающее этот неисчерпаемый сюжет, – «Крещение Руси» *Л. А. Сафронова* из цикла «Затаилась Русь святая»:

Из Корсу́ни князь Владимир
Едет, Богу рад.
В голове его решенье:
– Ой ты, гой еси!
Завтра ж сделаю крещенье
Киевской Руси.
... ...
За днепровским перевозом
Золоченый врун,
По воде плывет навозом
Сверженный Перун.

(Наш современник. 2006. № 6. С. 71).

Автор знает летописный рассказ под 988 г. о крещении Киева Владимиром Святославовичем, крестившимся перед тем в крымском городе Корсунь. Помнит и летописное повествование под 980 г. об оскорблении Владимира Рогнедой, назвавшей его сыном рабыни, и последующее обличение многоженца и прелюбодея Владимира летописцем. Поэт переработал летописные сообщения в близкий лубочному листу рассказ о бойком подвиге Владимира, изложенный бодрым, несколько насмешливо-раешным стихом. Многоженец полубылинный Владимир теперь думает иначе, чем язычник: «В голове теперь молитва за *одна* жена». Оскорбительно о Владимире теперь отзывается не Рогнеда, а некий иудей: «Ноне вылез в богомольца сын рабыни князь». Если подобные изменения, включая ругательные слова в адрес Перуна, можно объяснить строго соблюдаемой православной идеологической позицией автора, то отдельные детали вкрались в стихотворение по историческому недосмотру поэта: деревянный Перун не был золоченым идолом, у него лишь ус был золотым, а голова – серебряной; кроме того, государем стали называть великого князя не ранее XV в., а термин «Киевская Русь» во-

обще не употребляли в Древней Руси, тем более во времена Владимира Крестителя. Перед нами типичная контаминация поэтом разновременных и неотчетливо помнимых реалий и понятий, которые могут сгодиться при передаче чисто условного, трафаретного представления о Древней Руси любого периода.

Ближайшее время после крещения Руси, возможно, имел в виду *А. С. Люлин* в стихотворении «Валаам» в цикле «Ты куда идешь, Ванюша?»:

На Ладоге белая пена…
По безголовым валам
Два инока – Сергий да Герман –
Заехали на Валаам.
И там, где молились карелы
Поганым замшелым богам, –
Вознес колокольные стрелы
Преображения храм.

(Наш современник. 2000. № 5. С. 64).

Поэт глухо упомянул легендарных основателей Валаамского монастыря – грека Сергия и крещенного им местного карела, получившего после крещения имя Герман. Стихотворение является, пожалуй, не более чем туристической зарисовкой, передающей, если можно так выразиться, экологоархитектурные впечатления уважительно настроенного посетителя этого места.

Борис и Глеб

Когда-то популярная тема об убийстве в 1015 г. князей Бориса и Глеба Святославовичей их единокровным (или двоюродным) братом Святополком Окаянным отозвалась в новейшей русской поэзии коротким публицистическим нравоучением в стихотворении *Г. Дубровина*:

Борис и Глеб –
Нам свет в дороге.
Их участь – пасть
От злого брата.
Мирская власть –
За низость плата.

(Наш современник. 1995. № 7. С. 52).

Намек на низость нынешних властей.

Мстислав

Тмутороканский князь XI в. Мстислав Владимирович, который назван «храбрым» в «Слове о полку Игореве» и о походе которого на касогов (адыгов) рассказано в «Повести временных лет» под 1022 г., удостоился единственной строчки в единственном стихотворении – в цикле *Ю. Н. Беличенко* «Позднее время мое», в стихотворении «Тамань»: «Мстислав на касогов уводит полки» (Наш современник. 1997. № 3. С. 35). Даже в одной этой строчке просматривается тенденция поэта «усилить» древнерусского князя: ведь в летописи было упомянуто только два противостоящих полка – русский и касожский, а у Ю. Н. Беличенко Мстислав руководит уже многими полками.

Владимир Мономах

Самый знаменитый и благополучный великий киевский князь XII в. – Владимир Всеволодович Мономах – получил оценку в стихотворении *Е. Лукина* с затейливым названием «Застольная беседа с действительным тайным советником Гавриилом Державиным» (из цикла «Над крепостью гром с серебром пополам...»); всего одна строчка: «Над синею пропастью Русь удержал Мономах» (Наш современник. 1996. № 12. С. 161). Е. Лукин имел в виду сдерживание Мономахом княжеских междоусобиц; *синяя* же пропасть обозначала и реальную синеву глубокой горной пропасти, и, возможно, зловещую опасность, с которой ассоциировался синий цвет в «Слове о полку Игореве». Политическое предупреждение поэта и нам.

«Слово о полку Игореве»

Мотивы «Слова о полку Игореве», особенно из первой половины памятника, остаются популярными в новейшей русской поэзии. Чаще всего поэты пытаются вообразить сам процесс сочинения «Слова о полку». Так, *В. Подлузский* в цикле «На бересте лесов древнерусская вязь...», в стихотворении «Новгород-Северский поезд» нарисовал следующую картину:

На бересте берез древнерусская вязь.
Для потомков дружинников чудо не ново.
Сам Господь воссиял. Ни монах и ни князь
Не могли о Полку начертать это Слово.
Плыли буквы почти под лебяжьим пером.
Автор грешную землю пытался утешить

… … …
Русь пока без Москвы. Непридуманный Кремль,
Может быть, на пиру хочет выдумать Игорь.
… … …
Ярославна вот-вот зарыдает кукушкой.
Видит князь позади златокудрую рать…
(Наш современник. 2005. № 11. С. 123).

Невнятность смысла и отрывочность исторических припоминаний поэта составляют главную черту этого стихотворения. В самом деле, не ясно, кто, по мысли В. Подлузского, создал «Слово о полку Игореве»: не монах и не князь, но сам Господь или некий автор-утешитель? Не ясно и то, как выглядело «Слово о полку»: то ли начертано-нацарапано на бересте, то ли писано пером, но в том и в другом случае никак не древнерусской вязью, вопреки утверждению стихотворца. И т. д. Поэт понадеялся, что многозначительной риторикой он придаст глубину своему произведению.

Другой поэт – *Е. В. Курдаков* – в цикле под названием «В мире никто над поэтом не волен» несколько яснее представил момент создания «Слова о полку Игореве»:

Когда затихли битвы и отшумели рати,
Ерей Ефоний, старец, настроил свой гудок:
– Не лепо ли ны бяшеть, братие, начати…
И – молвил «Слово» павшим, а нам, живым, урок.
… … …
Давно за шеломянем земли родной преданья,
Напастьми и тугóю опять взошли поля.
… … …
…Каяла дышит слепо,
Мглой окрутили бесы, маня в Тьмутаракань.
(Наш современник. 1993. № 1. С. 58).

Неведомый иерей Ефоний провозглашен в стихотворении Е. В. Курдакова автором «Слова о полку Игореве», наверное, по версии какого-либо нынешнего любителя «Слова о полку» (таких любителей и версий множество). На этот раз, у Е. В. Курдакова, «Слово о полку» не записывается, а произносится древнерусским автором. В остальном же Е. В. Курдаков использовал излюбленный прием стихотворцев на темы «Слова» – скептически пофилософствовать о будущем Руси и о нашей современности, вплетая в свое риторическое повествование выражения и мотивы из «Слова о полку Игореве».

В подобный широкий исторический контекст, то страдательный, то мужественный, включают написание «Слова о полку Игореве» и прочие наши современные поэты, вроде *Е.Н. Семенова* (цикл «Я построил дом на своих костях»):

...Туда же на Калку-реку,
Смертно за Русскую правду сражаться,
Вещее Слово писать о Полку.

(Наш современник. 2000. № 10. С. 103).

В трех строчках – три века, с XI по XIII.

Другим мотивом, нередко затрагиваемым поэтами, является пение Бояна. Например, у *А. Иванова* Боян превратился во вселенскую фигуру в стихотворении «Соловецкий монастырь»:

С неба на землю нисходит Боян,
гуслями вечности души врачуя.

(Москва. 1955. № 5. С. 146).

Мотив струн, связанный с Бояном, также служит возвеличению России – у *М.В. Струковой* в цикле «Все пройдет – а Россия останется»:

На нашей карте кресты и руны,
О нашей правде рокочут струны.

(Наш современник. 2005. № 10. С. 57).

В новейшей русской поэзии изредка используются и различные мелкие мотивы из «Слова о полку Игореве» – обычно в привнесенном поэтами минорном контексте. Звучит укор в стихотворении *Н. Кожевниковой* «К гербу»:

Мой храбрый русич!..
... ...
Тебе ли, ратнику, стыдиться
Щита червленого с копьем?

(Москва. 1993. № 5. С. 40).

Далее. Чувствуется лирическая грусть в стихотворении *И.И. Переверзина* «Родина» (из цикла «Снова дождик прошел стороной»): «Там корни мои, там Карна и Жля» (Наш современник. 1995. № 3. С. 78). Или вдруг трагическим тоном поэт поминает деталь из «Слова о полку Игореве» – *В.А. Бердяев* в поэме «Псковский десант»: «И слезу изронил хмурый Тмутараканский болван» (Наш современник. 2004. № 5. С. 6). Примечательно, как действует на поэтов своего рода «память чувства»

от давнего прочтения ими «Слова о полку Игореве»: именно зловещие или ставшие зловещими детали «Слова» горестно и страдальчески переосмысляются поэтами, но опять-таки для возвеличения своего отечества. Поэтому и в стихотворении *Н.Н. Егоровой* «Русиния» (цикл «Я покоряюсь логике вещей») печальный плач Ярославны безмерно ширится над миром:

Плач Ярославны – над Эгейским морем.
… … …
Зегзицей взвейся над земным шеломом.
(Наш современник. 2002. № 7. С. 118).

Михаил Черниговский

О Руси во время татаро-монгольского ига современные русские поэты почти не пишут. Иногда кратко помянут Евпатия Коловрата из «Повести о разорении Рязани Батыем» в 1237 г. Лишь один сюжет однажды привлек большее внимание поэта: *В.И. Кочетков* в цикле «Песни о вечной разлуке» в стихотворении «Михаил Черниговский» описал убийство черниговского князя Михаила Всеволодовича в Золотой Орде в 1246 г.:

Великий князь входил в шатер Батыя
с седою непокрытой головой.
… … …
И после злого, долгого молчанья
вдруг вскинул хан тигриные глаза.

Батый предложил Михаилу милость, но при условии

– коль ты моим поклонишься кумирам
и моему священному огню.

Михаил ответил Батыю:

– Твои кумиры только деревяшки.
Не дереву, а Богу я служу.

Тогда

как молнией сверкнули ятаганы,
и покатилась княжья голова.
(Наш современник. 1992. № 1. С. 92–93).

В итоге по мотивам древнерусского «Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» В.И. Кочетков написал балладу с неизбежными усилительно-романтическими деталями; на самом деле не известно, каков

был возраст Михаила перед убиением и был ли он сед, как выглядел Батый в это время и т. д.

Открылась возможность для мешанины представлений. Ответ Михаила о кумирах-деревяшках отсутствует в «Сказании» и припомнен поэтом из «Повести временных лет» (обличение языческих идолов христианами под 983 и 986 гг.). Дальше – больше. По «Сказанию», один из русских предателей отрезал голову Михаилу и отбросил ее прочь. Но нашему современному поэту такой эпизод, по-видимому, показался роняющим честь Руси, и он заменил его сценкой, в действительности восходящей к гораздо более поздним временам: вроде бы турки с ятаганами напали на Михаила. И тут поэт невольно и сам уронил честь Михаила, потому что только об отрубленных головах врагов было принято говорить, что они покатились.

Куликовская битва

Куликовской битве 1380 г. современные русские поэты охотнее всего посвящают стихи. Поэтическое отражение получили, пожалуй, почти все основные этапы Куликовской битвы, известные стихотворцам из «Сказания о Мамаевом побоище», «Задонщины» или из учебников. Но не живописание непосредственно самого сражения сейчас интересует поэтов, а больше – моменты, предшествующие битве, или после нее. Вот эти этапы.

Сообщение вести. Вот Мамай пошел на Русскую землю, и – в стиле баллады:

С волчьих бродов несется усталый гонец
Упредить о нашествии Дмитрия-князя.

(*Шацков А.В.* Предстояние. (Август 1380 года) // Москва. 2005. № 8. С. 139; Наш современник. 2005. № 12. С. 40).

Посещение Сергия Радонежского Дмитрием Донским перед походом. Оно публицистически переосмыслено современным поэтом:

...новые Сергий и Дмитрий идут
для собирания отчей державы.

(*Иванов А.* Соловецкий монастырь // Москва. 1995. № 5. С. 146).

Выступление в поход, – все значительно:

Благоверного князя Димитрия
Лебединые кони летят.

… … …
Вот и принята схима Ослябею,
Надевает клобук Пересвет.
… … …
И, пятная дорогу подковою,
За Коломну, за Дон на рыси
Рать на поле идет Куликовое,
Вековечное поле Руси!

(*Шацков А.В.* Сергий Радонежский //
Москва. 1999. № 11. С. 118.
Цикл «На поле Куликовом»).

Сбор войска. Один из поэтов представил себя в едином ратном ряду от Александра Невского до Дмитрия Донского:

Рядом с ратниками Александра
и в ряду Куликовских полков.

(*Берязев В.А.* Псковский десант. Поэма //
Наш современник. 2004. № 5. С. 73).

Другой поэт тоже увидел себя в куликовском строю:

В Непрядве мое отраженье – в доспехах.
Его я увидел, и сразу окреп.

(*Штубов В.* Непрядва // Москва. 1994. № 12.
С. 124. Цикл «Время древнее, былинное...»).

Еще один поэт отразился в Непрядве, правда, не испытывая восторженной уверенности в своих силах:

увидеть свое отражение средь пешая рати
Димитрия – русские двинулись в путь
к Непрядве...
Кольчужка дырява, но я не сробею в той битве.

(*Башунов В.М.* Молитва Сергия //
Москва. 1999. № 10. С. 84. Цикл «Корни»).

Перенесение себя на Куликово поле и в те времена, кажется, стало для поэтов неким общим местом. Так, *Л.А. Сафронов* в стихотворении «Поле Куликово» (в цикле «Соловей – певец захолустья») вспоминает ночь накануне битвы:

Я к земле сырой приставил ухо
… … …
И услышал, как рыдают глухо
Русская с татарскою женой.
… … …
... княгиня Евдокия
На другом курлычет берегу.

… … …
– Матерь Божья, помоги дружинам
Воротиться к женам в отчий дом.

(Наш современник. 2001. № 4. С. 27).

Поэт свел воедино «женские» мотивы, в том числе о жене Дмитрия Донского Евдокии Дмитриевне, из «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины». Очень примечательно то, что поэт жалеет и русских женщин, и татарских. Хотя в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище» (а позднее в «Казанской истории») подобная жалость, охватывающая обе стороны – и русских, и татар, – в некоторой степени уже была выражена, однако Л. А. Сафронов демонстративно разделил свое сочувствие поровну на обе стороны. Этот примирительный жест сделан, конечно, в соответствии с требованиями нынешнего исторического момента.

Но продолжим обзор поэтического отображения различных этапов Куликовской битвы.

Расположение отрядов – опять все возвышенно-романтично:

Велением властной руки
За древа непрядвской дубравы
Сокрыты лихие стрелки
И отроки
в чаянье славы.
… … …
«Во первых семь дней сентября
На Дон собиралися вои…»
Скакали, коней торопя,
Шагали росистой травою.

(*Шацков А. В.* Восьмое сентября // Москва. 1999. № 11. С. 119).

Якобы летописную цитату поэт сам сочинил.

Особенно любят поэты начинать описание событий с куликовского утра:

На поле Куликовом стынет рать.
Полнеба
зори золотом убрали.
… … …
И тьму столетий слышат на Руси
Поочередно пахарь или воин.

(*Денисов В.* Евразийская история // Наш современник. 2005. № 2. С. 105. Цикл «Нас делали Христос и аллах»).

Или иной, более лиричный, немного отдающий «Словом о полку Игореве» вариант описания утра накануне Куликовской битвы:

Утро над полем сраженья встает.
Вскинуты пики. Натянуты луки.
Гибнут мужчины...
А баба поет
древнюю песню о вечной разлуке.

(*Кочетков В. И.* Задонщина //
Наш современник. 1992. № 1. С. 92).

Затем троице-сергиев монах Александр Пересвет как символ отважного сопротивления возникает в памяти поэтов. Надо выбирать:

то ли с копьем Пересвет,
то ли в ярме со скотом.

(*Переверзин И.* Снежный подорожник //
Москва. 1995. № 12. С. 121).

Призыв:

Взлети, взлети на стремя, Пересвет!

(*Сорокин В. В.* Русский путь //
Наш современник. 2006. № 7. С. 137).

Один из поэтов то ли в шутку, то ли всерьез воскликнул: «Пересвет! – он подобен атлету!» (*Скуляков А.* Покшинская панорама // Наш современник. 2007. № 2. С. 285). Но, к сожалению:

Убит Пересвет – Ослябе
еще воевать за Русь.

(*Гречко О. П.* Наши реки ушли под лед //
Наш современник. 1996. № 9. С. 60).

В сущности же, образа Пересвета нет – только символ. Посмертная похвала Пересвету и Ослябе:

Жив Пересвет, Ослябя – жив,
пока их помнят наши храмы.
Сим инокам слагая стих,
судьбы их пригубляя чашу...
Отчизну чтить учусь у них
благословеннейшую нашу.

(*Аввакумова М. Н.* В старом Симонове //
Москва. 1999. № 3. С. 47).

В сущности, вполне предсказуемая риторика и вполне ожидаемые героизирующие штампы (благо их много) наполняют стихотворения о Куликовской битве.

Иногда, но редко поэты выделяют и самые напряженные моменты начавшейся битвы:

Лук – Непрядва, полк – стрела,
Дон натянут тетивою.
… … …
Под Бренком уж княжий конь...
(*Лубовская М.* Куликово поле //
Москва. 1994. № 1. С. 100).

Тут уж поэт снова не упускает возможности перенести себя в те времена и вообразить себя участвующим в сражении:

Мы вновь на поле Куликовом.
Как ощетинилась Орда!
Зарницы в сумраке суровом
И красная в реке вода.
Засадный полк еще в засаде,
и гибнет полк передовой.
… … …
я в черной сотне рядовой.
… … …
аз есмь на ратном рубеже.
… … …
Я в черной сотне самый черный,
чернее – только Пересвет.
(*Осипов В.* На русском рубеже //
Наш современник. 1997. № 7. С. 117).

В этом стихотворении поэт объединил и усилил, так сказать, экологические сведения из «Сказания о Мамаевом побоище» и «Задонщины». Но не ясно, почему В. Осипов столь настойчиво стал подчеркивать мотив черного цвета, не свойственный древнерусским произведениям о Куликовской битве. В «Сказании о Мамаевом побоище» упоминаются, но нейтрально, *черное* знамя Дмитрия Донского и *чернец* Пересвет. Возможно, черным цветом поэт хотел подчеркнуть трагичность битвы на Куликовом поле, однако отчетливости его ассоциации мешают его же двусмысленные утверждения о своей принадлежности к «черной сотне», в которой он «рядовой» (термин явно из нашего времени).

Наконец, поле Куликово уже после битвы вызывает специфический отклик в душе поэтов. В древнерусских про-

изведениях о победе в Куликовской битве конец обычно был умиротворенно-радостным или, по крайней мере, мажорным. У наших же современных поэтов – настроение беспросветно-трагическое:

Над мертвым полем Куликовым,
когда усопших погребут,
в стране угрюмой и суровой
крылами лебеди гребут.
И перья белые роняя
на голову и мятый шлем...
... ...
Стальная мертвая дружина
и поредевшая орда...

(*Кругляков Г. В.* Гуси-лебеди //
Наш современник. 1999. № 12. С. 124.
Цикл «Взгляд из-под ладони»).

Свое тягостно-похоронное напряжение поэт выдает характерной оговоркой: у него погребают не убитых, а «усопших». Зловещи в этом мрачном мертвом поле металлически окостеневшие «усопшие» и над ними белые, как бы остановившиеся лебеди. Г. В. Кругляков, возможно, припомнил описание погибшего войска из «Повести о разорении Рязани Батыем», а также живописные источники – типа картин В. М. Васнецова и В. В. Верещагина, изображавших поля битв после сражений.

И вот совсем трагическая картина:

Уязвленный стрелой, потерявший коня,
Без щита и без шлема лежал он у Дона.
Багряницей кровавой покрылась броня.
... ...
Это Дмитрий над павшими другами плачет.
... ...
Застонал богатырь: «Я живой, не убит».
... ...
Уязвленный стрелой, он лежал на земле,
В небеса устремив взгляд последний, холодный.

(*Селедцов О.* После сечи //
Москва. 2001. № 12. С. 129).

Такой подход к Куликовской битве сейчас, наверное, типичен. Например, подобное же, скажем так, лежачекладбищенское настроение, хотя менее ясно и другими словами, выразил другой поэт:

Я обнимаю поле Куликово,
Как пращуры далекие мои.

(*Борисов М. Ф.* Цикл «Дней ушедших
трепетные лица...» //
Наш современник. 2006. № 5. С. 82).

В общем, современным поэтам душевно тяжко напоминать читателям о Куликовской битве. Ср. стихотворение *А Малашенко* «Переславль»:

Спит Переславль – великий город,
Брат старых русских городов.
... ...
Всех нас на поле Куликово
Не кличет Переславский князь.
Спят витязи твои в бесславье.
... ...
И плач горючий Ярославен
Вотще не трогает их сон.

(Наш современник. 2002. № 9. С. 144).

Куликовская битва обернулась поражением, подобным Игореву. Вот до чего довела А. Малашенко тоска.

XV век

Люди, события и произведения Руси XV в. оказываются наименее привлекательными объектами для новейшей русской поэзии. В лучшем случае это лирические знаки, риторически упоминаемые поэтами, вроде «Троицы» Андрея Рублева у *А. В. Шацкого*:

Пребудут в скорбях над тщетой, надо лжой
Три Лика Андрея Рублева.
Три ангела в блеске цветенья поры.

(Москва. 2005. № 8. С. 140)

Поэты проявляют склонность к лирическим упоминаниям о сравнительно малоизвестных сейчас лицах и явлениях. Так, *Л. Скатова* в стихотворении «Полоцк – Иерусалим» описала раку полоцкой княжны Евфросинии Георгиевны в Полоцке:

...и тусклый мрамор
полов, по коим ты взошла,
из града Полоцка, княжна.

Далее подходим

мы к изголовью Ефросиньи,
что дремлет в изголовье синем.
(Наш современник. 1998. № 1. С. 139).

Вообще-то Евфросиния (Предслава) Полоцкая, праправнучка Владимира Крестителя, жила в XII в., но ее «Житие» было составлено, скорее всего, не ранее XV в., через посредство которого поэтесса могла узнать о путешествии преподобной в Иерусалим, где та и скончалась. Раку Евфросинии на тускло-мраморном полу Л. Скатова представила в романтически дремлющей дымке, извлекши синий цвет из самого имени блаженной, для еще большего облагорожения предмета поклонения.

Другой поэт – *С. Золотцев* – в цикле «Молитва моя о России» вдруг назвал еще один редко вспоминаемый ныне объект: «Я сложил свою песню, свою голубиную книгу» (Наш современник. 1992. № 10. С. 102). Апокрифическая космогоническая «Голубиная книга», сложившаяся, предположительно, в XV в., преобразовалась в сознании С. Золотцева на основе его субъективной поэтической ассоциации в интимно-лирическое песенное творение, ласкающее слух.

Лишь одно событие XV в. больше всех попало в сферу внимания современных русских поэтов – ознаменовавшее конец татаро-монгольского ига знаменитое «стояние на Угре» войска Ивана III против войска ордынского хана Ахмата в 1480 г. Поэт *И. Смолянинов* написал, что видна река

...Угра синей лентой вдали.
Здесь Русь и Орда выжидали друг друга
На грани Московской земли.
(Наш современник. 1994. № 4. С. 86).

Опять романтический синий цвет, то ли грустный, то ли зловещий, то ли просто красивый, введен поэтом в описание исторического события, произошедшего поздней осенью, когда Угра, по сообщениям летописей уже замерзла, то есть не могла синеть.

Д. Кузнецов в «Балладе о великом стоянии» иначе изобразил то же событие:

Но лежит под ногами колючий,
Пять столетий не тающий снег.
На щитах – неземное сиянье.
Сжаты намертво копий древки.

Это – в вечном великом стоянье
Мы застыли у вечной реки.
(Наш современник. 1997. № 8. С. 38).

Однако и в этом стихотворении заметна настроенность поэта на романтический шаблон, только другой – на изображение застывшего, как бы замерзшего или окаменевшего войска, превращенного в памятник, символизирующий вечное значение великого подвига русских воинов.

В новейшей русской поэзии встречается также кратчайший стихотворный перечень некоторых исторических событий со второй половины XIV в. по начало XVI в., – например, в своего рода краеведческом цикле *А.А. Боброва* «Холмы Москвы» в стихотворении «Боровицкий холм» упоминаются:

...спящий здесь Стефаний Пермский,
Создавший грамоту зырян.
... ...
– Почали строить город камен, –
Выводит отрока рука.
... ...
Москву назвали Третьим Римом...
(Наш современник. 1997. № 9. С. 4).

Просветитель коми первый епископ Пермской епархии Стефан умер в 1396 г.; «городъ камен», т. е. каменные стены московского Кремля, начали строить в 1367 г.; Москву уверенно называть Третьим Римом стали с начала XVI в. Вряд ли А.А. Бобров самолично собрал эти факты, рассеянные в различных житийных, летописных и эпистолярных источниках XV–XVI вв.; наверняка он просто повторил сведения из какого-либо путеводителя, но для вящей значительности сдобрил изложение поэтическими шаблонами: Стефана превратил в Стефания, конечно же, спящего (или дремлющего) в могиле; ввел писца (почему-то отрока), своей рукой описывающего памятное событие, и т. п., – вполне апробированный стихотворцами способ подачи исторических фактов.

XVI век

Русь XVI в. еще отрывочней представлена в новейшей русской поэзии. Даже Иван Грозный пока отсутствует в ней как персонаж, а современники Ивана Грозного упоминаются крайне скупо. Например, *М.Н. Аввакумовой* в «Заздравной песне» из цикла «Черные нитки» восхвалена «родина Игоря и Пересвето-

ва» (Наш современник. 1995. № 8. С. 45). Похвала не совсем ясна и даже двусмысленна, так как не понятно, кого имела в виду поэтесса, – современника Ивана Грозного, писателя-публициста XVI в. Ивана Пересветова или же современника Дмитрия Донского, героя Куликовской битвы монаха Пересвета, а также – героя «Повести временных лет» князя Игоря Рюриковича или же героя «Слова о полку Игореве» князя Игоря Святославовича. Кстати, ни того, ни другого Игоря нельзя считать героическим символом Руси. Целиком полагаться поэту на безграничное риторическое воодушевление, видимо, не полезно.

Из крупных событий XVI в. поэты поминают взятие Казани Иваном Грозным, и то глухо, как например, *И. И. Тюленев* в стихотворении «Историческое» (в цикле «Нужно дальше как-то жить»):

Чу, это шип пищалей, сабель звон.
… … …
Взорвали порох под стеной кремля
Казанского. Подкоп мог вырыть я!

(Наш современник. 2003. № 5. С. 32).

Шаловливо зачислил себя в добровольцы…

Больше нравятся поэтам, так сказать, исторически маргинальные персонажи XVI в. Так, *Н. Рачков* в стихотворении «Блаженный Вася» рассказал о Василии Блаженном:

Вопя не о царе Иване,
На гноище, на свежей ране,
Подъявши к храму очеса,
Опять сидит блаженный духом,
Ловящий потрясенным слухом,
О чем взыскуют небеса.
… … …
А он, счастливый, в струпьях, в прахе
Каким-то вервием трясет.

(Наш современник. 2004. № 2. С. 63).

Вряд ли поэт читал малоизвестное «Житие Василия Блаженного» конца XVI в. Однообразный нищенский облик юродивого Н. Рачкову, возможно, на самом деле подсказала картина В. И. Сурикова «Боярыня Морозова».

Женские маргинальные образы, естественно, больше привлекают поэтесс, как, например, *М. Муравьеву*, прочувствованно написавшую о главной героине «Повести о Петре и Февронии» 1540-х гг. стихотворение «Феврония»:

То-то правда, что дщерь древолазца,
Хоть в княгинях свой век прожила.
За тобой мне ни в чем не угнаться,
Только крохи сбирать со стола.
– Ты прости меня, брате Давиде,
Что не чином оправила стол.
Что тропой своей княжеской идя,
В простоте меня сущу обрел.
Ты конца своего очевидцев
Третий раз присылаешь ко мне. –
Сколько хитрости было в девице,
Сколько кротости в старой жене.
… … …
– Господине ты мой, властелине,
Погоди, я иду за тобой! –

Здесь ничего не режет слух, уместно использованы фразеология и детали повести, гладкие речи героини мягко чередуются с афористическими рассуждениями поэтессы, реалии из повести незаметно переосмысляются ею в символы, и все это передает настроение зрелой кротости как Февронии и Петра (в монашестве – Давида), так и самой М. Муравьевой, кротости, наверное, в противовес нынешнему некроткому времени.

Наконец, совсем малоизвестную легенду о почти неизвестном лице стихотворно пересказал *В. Верстаков* в балладе «Над житием Даниила Московского»: на охоте князь Василий Иоаннович Шуйский в разрушенном монастыре перед посадкой на коня «ста на плиту среди сырой земли», где «был Богом упокоен блаженный князь московский Даниил»; конь сбросил Шуйского, и «был покалечен князь» («Наш современник». 1997. № 7. С. 101). Поэт действительно прочел подобный рассказ про московского князя XIII в. Даниила Александровича, восходящий к «Степенной книге царского родословия» XVI в., но перепутал действующих лиц. В «Чуде о князе Иване Шуйском» в «Степенной книге» сообщалось о том, что в свите великого князя московского первой трети XVI в. Василия III Ивановича находился некий князь Иван Михайлович Шуйский, с которым и приключилась эта неприятная история. У В. Верстакова же сброшенным с коня оказался князь Василий Иванович Шуйский, будущий царь, и, следовательно, событие было перенесено лет на сто вперед, в Смутное время начала XVII в. Кроме того, в древнерусском тексте сказано, что Василий III ехал по какому-то своему делу, а не именно на охоту; что в старом Даниловском монастыре на гробе с мощами Даниила Александровича с древ-

них лет лежал камень, и именно с камня, а не с плиты пытался князь Иван сесть на коня; а также, что конь с князем вдруг стал на дыбы, упал и умер, очевидно, придавив князя, которого затем еле живого, но все же не покалеченного вытащили из-под коня. Неточности у В. Верстакова свидетельствуют о невнимательности или забывчивости поэта, поспешившего досочинить предание о скором наказании грешника за святотатство.

XVII век

XVII в. в новейшей русской поэзии представлен всего лишь несколькими темами, и то скупо. Начнем со Смуты. Не столько события Смутного времени в России начала XVII в., сколько отдельных его участников вспоминают современные русские поэты, причем напоминания эти обычно описательны и более чем кратки. Например, *М. Ю. Евдокимов* в цикле «Жребий», в стихотворении «Гермоген» жалеет несчастного патриарха Гермогена, которого, как известно, за его несгибаемость польские интервенты в Москве уморили голодом в январе 1612 г.:

Перед лампадой плачет патриарх,
Стар, немощен, но фанатичен в вере.
(Москва. 2006. № 7. С. 70).

Н. А. Мирошниченко в цикле «Родина! Родина! Там на лугу...» многозначительно взывает: «Пожарский где? За Мининым пора!» (Наш современник. 2004. № 11. С. 6). Впрочем, в цикле *Ю. Н. Щербакова* «А герои уходят в былины и сказки...» все благополучно завершилось в августе 1612 г.:

Как в том далеком годе,
Когда вошли полки
Пожарского в Москву

И затем – уже 1642 г.:

И спаситель Отечества
Дмитрий Пожарский
Похоронен был
В Суздальском монастыре.
(Наш современник. 2006. № 7. С. 93).

Кроме того, изгнание поляков из Москвы с удовлетворением описал *А. А. Бобров* в стихотворении «Псковская горка»:

Князь отчаянно ведет,
Собирая войск останки,

Бой у Сретенских ворот,
Бьет поляков на Лубянке
(Наш современник. 1997. С. 4).

Конечно, можно придраться: «войск останки» – это убитые и похороненные, «останки» уже ничем не могут помочь в бою, они вместо «остатков» появились ради рифмы. А в общем, стихотворной исторической фактографией можно назвать подобного рода творчество поэтов на тему о Смуте.

Последующая тема, которой сейчас лишь изредка касаются поэты, – это казачество и различные вольные люди России XVII в. Историческую справку о казаках изложила *М. В. Струкова* в стихотворении «Предки»:

За службу на южной границе
Наделы им дал государь.
Взошло далеко от столицы
Село Туголуково встарь.
... ...
Там гнули особые луки
И русский хранили рубеж.
(Наш современник. 2005. № 10. С. 58).

Рассказано о казаках пока традиционно-благожелательным чувством. Но вот новые нотки появились у разных поэтов в стихотворениях о Степане Разине. *И. С. Стремяков* в стихотворении «Стенька» (цикл «Полынья») едко поддел когда-то превозносимого литераторами предводителя восставших:

С казаками разбойного толка
веселя и бунтуя народ,
Стенька Разин гуляет по Волге
и за городом город берет.
... ...
Высоко залетел казачишка –
очень больно потом упадет.
(Наш современник. 1994. № 10. С. 104).

В том же смысле высказался и *Н. Оболонский* в стихотворении «Воровской поход» (цикл «Темная зелень озимого поля»). Разин – хитрый мужик, его помощники – палачи:

Не оттого ли с наложницей Разин
Ласковый – как никогда?
... ...
Други его, распалясь от винища,
Тащат к реке воевод.
(Там же. С. 107)

Поэты быстро идеологически перековались в духе последнего времени: как это не уважать царскую власть и бунтовать народ? – такие люди плохи, и будет им плохо.

Аввакум

Наиболее популярная фигура XVII в. в новейшей русской поэзии – это родоначальник раскола протопоп Аввакум. О нескольких моментах его биографии, известных в основном из его «Жития», и предпочитают писать поэты. Прежде всего, о взаимоотношении Аввакума и царя Алексея Михайловича рассказал *В. И. Кочетков* в стихотворении «Обличение Аввакума»:

Нескладуха шумит
на Великой и Малой Руси.
Рушат старую веру
лукавые никониане.
На дорогах разбой.
А в Приказах – ворюга на воре.
Не природный русак,
а заморский ловкач Лигарид
у царя с патриархом
в высокой чести и фаворе.
… … …
Ой, гляди, Государь,
промотаешь ты царство свое.
Все овечки твои
обернутся, поверь мне, волками.
… … …
И сказал Государь:
– Нечестивца в сибирский острог!

(Наш современник. 1992. № 1. С. 90–91).

Стихотворение, особенно его якобы исторические детали, отразило не столько проникновение В. И. Кочеткова во внутренний мир Аввакума через его сочинения (в стихотворении редко когда используются выражения самого Аввакума), сколько подмену облика реального церковного бунтаря XVII в. шаблонным представлением об обличителе государственной власти гораздо более позднего времени (сами словечки «в фаворе» и «ловкач» уводят нас в другую эпоху). В действительности же Аввакум никогда не произносил обличительных речей перед царем и не посылал ему обличительных посланий по сугубо государственным вопросам, тем более перед своей первой ссылкой 1653 г. в Сибирь; да и не царь, а патриарх Никон был инициатором ссылки Аввакума,

царь же Алексей Михайлович относился к Аввакуму хорошо, по крайней мере, мягко; наконец, грек Паисий Лигарид появился при царском дворе не ранее 1661 г., так что о нем Аввакум и не слышал ничего в 1653 г. Аввакум у В. И. Кочеткова – чисто условная фигура, актуальный ныне носитель протестной идеи, причем выражающийся менее ярко и хлестко, чем это делал Аввакум в реальности.

Другие эпизоды из жизни Аввакума поэты упоминают довольно скупо. Так, знаменитый эпизод о том, как в сибирской ссылке протопоп со своей женой Анастасией Марковной, по рассказу «Жития», «по льду голому... брели пеши, убивающеся о лед», был сведен поэтессой *М. Н. Аввакумовой* к приземленному замечанию усталой жены: «Побредем, Аввакумко, опять... Побредем... Ничего» (Наш современник. 1995. № 8. С. 45). Содержание эпизода из «Жития» в стихотворении обеднено. Ведь в «Житии» здесь присутствует идея не покорности, а сопротивления. Жена обратилась к мужу в высоком стиле, называя его протопопом: «Долго ли муки сея, протопоп, будет?» И протопоп, уважительно назвав ее по отчеству, ответил ей сочувственно, однако призвал к бесконечной стойкости: «Марковна, до самыя до смерти!» И протопопица одобрила их подвиг: «Добро, Петрович, ино еще побредем». У поэтессы же Марковна, в сущности, уничижительно обозвала протопопа «Аввакумкой». Поверхностное знание литературного памятника в конце концов привело поэтессу к искажению его смысла.

Чаще же всего поэты поминают или даже живописуют казнь Аввакума – сожжение его в северной ссылке, в Пустозерском остроге по указу царя Федора Алексеевича в 1682 г. Таково, например, стихотворение *В. Журжина* «Протопоп Аввакум»:

Был бит и сана был лишен,
но не смирился и сожжен
на злом костре как еретик
за то, что смел хулу речи
о государевом дворе.

(Москва. 2005. № 9. С. 49).

Не останавливаясь на различных мелких неточностях в стихотворении, отметим все же одну несообразность, кажется, принципиальную: Аввакума и его трех сподвижников сожгли в срубе (не на костре!) «за великия на царский дом

хулы», в первую очередь на покойного царя Алексея Михайловича. Непонятно, зачем В. Журжину, вопреки официальной формулировке, понадобилось говорить о хуле Аввакума на государев двор: чтобы верноподданно не упоминать о неуважении к царю?

Что же касается костра, на котором якобы был сожжен Аввакум, то это, по-видимому, распространенная поэтическая ассоциация с костром инквизиторским. Ср. у *В.В. Артемова* в «Слове плачевном о протопопе Аввакуме» (цикл «Прости атамана»):

Прикрутили суровой веревкою...
и огонь занялся.
(Москва. 2004. № 10. С. 8).

Наши современные поэты любят порассуждать об общем значении этого родоначальника раскола, но опять-таки с какой-то мешаниной реалий и идей. Например, *М. Сопин* в стихотворении «Последний перекресток» выразился так:

История вокруг,
В тебе, с тобою.
Тишайший, Аввакум и Мономах.
(Москва. 1995. № 10. С. 75).

Связь Аввакума и «тишайшего» царя Алексея Михайловича понятна. Но при чем тут Владимир Мономах?

Далее. *В. Мухин* в стихотворении «Явление Аввакума» нарисовал следующую картину:

Из моря вышел дерзостный старик.
... ...
Мы услыхали слово Аввакумово:
... ...
– Еще чуток – пожрали б ни за что
Друг друга, яко волки пустобрюхие.
(Наш современник. 1998. № 1. С. 137).

Что-то не припоминается, когда это Аввакум выступил в роли миротворца и где употребил сравнение с пустобрюхими волками. Но самое главное: что это за море, из которого якобы вышел Аввакум, и вообще – при чем тут море?

Еще один пример нескладных мыслей витии о роли Аввакума находим в стихотворении *Ю.Э. Савченко*:

Полно витися, думушка, над гнездом души,
Полно век, Аввакумушка, коротать в глуши.

Старина ты, старинушка, византийский сон!
От раскольного клинушка звон до сих времен.
... ...
Не покинь, Аввакумушка, в длани меч вложи!
(Наш современник. 1995. № 7. С. 49).

У поэта выходит, что XVII в. – это «византийский сон», в расколе им ощущается нечто разбойничье, а Аввакум представляется воином или даже военачальником с мечом в руках, по своей воле (или в результате отставки) коротающим свой век в глуши, но могущим благословить на битву. Стихотворец витиевато обратился не по адресу.

Из современников Аввакума поэты иногда описывают боярыню Феодосью Прокопьевну Морозову – в точном соответствии с суриковской картиной, как, например, *С.И. Соколов* в стихотворении «Боярыня Морозова» (цикл «Летняя погода»):

Глаза твои запавшие
Да иссушенный лик,
На сани тело павшее...
(Наш современник. 2000. № 8. С. 21).

Тот же привязчивый суриковский источник ощущается в стихотворении *М. Кралина*:

...боярыню Морозову
на злую гибель увозили.
... ...
...женщины с двумя поднятыми перстами.
... ...
...бояр глумливый гогот.
(Наш современник. 2002. № 3. С. 152).

Однажды был упомянут и главный враг Аввакума – патриарх Никон, но в странном контексте. *В.П. Голубева* в стихотворении «Потомок Аввакума» (цикл «Пора возвращаться») терзали смутные сомнения насчет того, кто же оказался прав:

Пойми: Аввакум или Никон?

Хорошо или плохо

То, что Никон содеял над книгой в палатах приказных
С языком...?

Но последствий их борьбы никто не предвидел:

Не гадал Аввакум, да и сумрачный Никон не баял,
Выходя, словно царь, из Крестовой палаты потемок
… … …
Перепуталось все…

(Наш современник. 2001. № 7. С. 53–54).

Сомнения нынешнего поэта выступают как предчувствие очередного пересмотра истории Руси не совсем достойными потомками прошлых борцов.

История Руси

Уникальную попытку создания поэтической истории отрицательных героев Древней Руси (и Европы) предпринял *Ю. Кузнецов* в поэме «Сошествие во ад», – отчасти следуя Данте, отчасти «Хождению Богородицы по мукам». На самом деле это злорадный суд православного поэта над многочисленными изменниками, еретиками, палачами и разбойниками; их множество:

В огненной яме стояла косматая тень.
То был Олег, князь рязанский, и вечные муки.
К черному солнцу вздымал он дрожащие руки.
… … …
То был Исидор
Он подписал…
Гнусную унию.
… … …
Был и Курицын, остистый осевок литовства,
И волошанка Елена, невестка царя.
… … …
В огненной яме стояла косматая тень.
Это был Курбский…
… … …
Я увидел на огнище царя Иоанна.
… … …
– Стенька, проснись!..
Стал по частям собираться…

(Наш современник. 2002. № 12. С. 27–32).

Но здесь не место оценивать столь мрачную поэму, в которой подробно описываются посмертные муки древнерусских исторических лиц, однако о их прошлой земной деятельности напоминают иногда только краткие ярлыки, как бы повешенные автором на мучимых.

Древние города

В известной мере самостоятельной темой новейшей русской поэзии является воспевание старинных русских городов.

О древнерусской Москве поэты сейчас пишут очень редко. Не без труда удалось найти лишь одно произведение, да и то вне круга наших обычных источников, – поэму *С. В. Мясникова* «Легенда о Московии» в газете «Московия литературная» (2006. Сентябрь, № 8–9. С. 10):

А в век десятый походя заглянем:
На берегах извилистой реки
Селиться стали пращуры славяне.
Сто лет спустя на северо-восток,
На край Руси спешат переселенцы,
Кто от степных набегов изнемог,
Мужья и жены, старцы и младенцы.
… … …
Кучка боярин знатным слыл весьма,
Все села вдоль реки в боярской воле.
И потому подножие холма
Именовалось как «Кучково поле».
… … …
Правителем Залесской же земли
Был Юрий князь, прозваньем Долгорукий…

И далее об основании Москвы Юрием Владимировичем Долгоруким развертывается стихотворная история, написанная на основе трудов известных российских историков (поэт перечисляет эти труды) и с обильным использованием распространенных поэтических штампов, а также со внезапными нелепостями, вкравшимися в гладкое рифмованное повествование, например, в дремучем лесу князь повстречал страшного зверя:

И словно на врага на поле бранном,
На зверя он рванулся, осердясь,
С отвагою взмахнув мечом буланым.

Что это за меч? Судя по рифме, здесь нет опечатки, – С. В. Мясников имел в виду меч именно буланый, наделив меч конской мастью!

Прочие города Древней Руси тоже редко упоминаются современными поэтами. Так, о древнем Пскове и псковитянке княгине Ольге однажды было высказано несколько похвальных слов в стихотворении *А. Н. Логвинова* «Пскову 100 лет» (цикл «Пред ликом небесной царицы…»):

Я был крещен задумчивым Изборском,
И колыбель качал могучий Псков.
… … …
Такая у княгини Ольги ширь.
(Наш современник. 2004. № 4. С. 5).

Ростов Великий удостоился такой строки у *С.А. Хомутова* в цикле «Мы поедем по русским родным уголкам…»: «…оплечия Ростовского кремля» («Наш современник». 2005. № 8. С. 79). Смоленску же повезло больше в новейшей русской поэзии, наверное, потому, что он дает возможность поэтам описать смоленскую крепость и коснуться излюбленной военно-патриотической темы. Например, *Ю.В. Пашков* в стихотворении «Жить не одним столетьем» констатировал:

Жива в Смоленске старина.
Собор. И крепости стена:
Прицельно щурятся бойницы,
И в башнях ратный дух гнездится.
(Москва. 2006. № 7. С. 111).

Подробнее историю смоленской крепости раскрыла *Н. Н. Егорова* в стихотворении «Легенда о башне Веселухе»:

Чтоб лях и литвин не дошли до Москвы,
Возвел Годунов эти стены и рвы.
Нашел он, смиряя преданий огонь,
Могучего зодчего с кличкою Конь.
От гроба святого следы хороня,
Под башню впечатали череп коня.
(Наш современник. 2004. № 8. С. 133).

Факты, взятые, должно быть, из какого-то пособия, поэтесса деловито изложила слогом пушкинской «Песни о Вещем Олеге» и его коне, – в итоге получилась рифмованная речь экскурсовода.

Общие темы

До сих пор мы говорили о конкретно приуроченных исторических темах новейшей русской поэзии. Теперь же обратимся к ее темам общим – о различных древнерусских явлениях и объектах вообще.

Воинскую древнерусскую тематику современные поэты затрагивают в первую очередь. При этом ход мыслей поэтов бывает примерно одинаков: древнерусское войско охраняет нас

как бы и сейчас, мы как бы его часть. Именно такую мысль высказал *В.Н. Вьюхин* в стихотворении «Копья» (цикл «Поднимутся светлые храмы»):

Но не зря древнерусская рать
Сквозь века протянула нам копья.
… … …
…Мы умеем стоять,
Приподняв, чтоб виднее, забрало.
(Наш современник. 2004. № 11. С. 94).

Отдельные части страны также ассоциируются у поэта с охраняющим войском. Так, в стихотворении того же В.Н. Вьюхина «Полярный Урал» (цикл «Как хочется мира и лада…») вершины Уральских гор

…стоят…
Как воинства российского шатры.
… … …
…Подпоясана Россия
Твоим литым железным кушаком.
(Наш современник. 2005. № 11. С. 93).

Правда, как это нередко случается при неумеренном возвеличении объекта воспевания, в стихотворение неожиданно вкрадывается и непредусмотренный поэтом смысл: поставлены шатры, и Россия, неудобно подпоясанная железным кушаком, скорее лежит, отдыхая, чем настороженно стоит.

В обобщенную воинскую тематику входит и поэтическое описание подготовки к некоему сражению, как, например, в стихотворении *Д. Кан* «Ветер воли»:

Конь буланый. Меч булатный.
Небеса в крови.
На священный подвиг ратный,
Русь, благослови!
… … …
Щит к щиту. Шелом к шелому.
И плечо к плечу.
(Москва. 1998. № 5. С. 48).

Описывать приуготовления к ратному подвигу любят поэты. Так, многозначительно пишет *Н.А. Зиновьев* в стихотворении с многозначительным названием «Сон про наган» из цикла «На самом древнем рубеже»:

Я собрал князей удельных,
Холодок бежит меж плеч.

Я целую крест нательный.
Я беру двуручный меч.
– Постоим за веру, други!
… … …
Золотится на хоругви
Лик Спасителя Христа.

(Наш современник. 2006. № 9. С. 90).

Сам Н.А. Зиновьев помыслил себя не менее чем великим князем и, судя по названию стихотворения (про наган), одновременно и революционным комиссаром, призывая к предстоящей борьбе «за веру» уже в наше время. Обращение к древнерусской тематике помогло зашифровать этот призыв: осторожность («холодок бежит меж плеч») не помешает.

Из других обобщенных древнерусских тем поэты риторически иногда касаются проблемы богатства и бедности, но обычно невнятно, вроде *С. Воронова*:

И наверно, достойнее тщанья
Ваших игрищ на княжьем пиру
Побирушкой дуда обнищанья
Прокричит на высоком юру.

(Наш современник. 2004. № 2. С. 83).

Тему то ли антикняжеского, то ли антицарского бунта и казни однажды затронул *В.И. Кочетков* в стихотворении «Память»:

Он в кровавую плаху вдавился,
батогами иссеченный кметь.
А над площадью хищником вился
грозный, княжеский окрик: «Не сметь!»
И толпа каменела, немея,
И стрелецкие стыли полки...

(Наш современник. 1995. № 4. С. 7).

Характерная для В.И. Кочеткова мешанина разновременных исторических реалий дала о себе знать и в этом стихотворении, где одновременно присутствуют и кметь XII в. и стрелецкие полки XVII в.

Из всех древнерусских мотивов самым редким у поэтов является мотив языческих похорон, разумеется, в приложении к нашим современникам. Ср. грустное высказывание *К.В. Рябенькова* в стихотворении «В храме у Никитских» (цикл «Есть еще, люди, на свете...»):

И ладья твоя последняя
В край отчалит неземной.
(Наш современник. 2005. № 9. С. 151).

Нечто вроде некролога.

Самым же частым занятием любителей Древней Руси выступает славословие старинным книгам и рукописям. Так, *В. Мазин* в стихотворении «Читая летописи» растроганно написал:

Прохожу по неизвестности
Девяти веков своих
За российские окрестности
До угодий родовых.
За славянскими языцами
Повторяю древний слог.
За монашескими лицами
Вижу северо-восток.
Стрелы вольного охотника
Убираются в колчан.
Песнь югорского вольготника
Слышу я по кедрачам.
Переписчик Новгородчины,
Проводник мой дорогой.
Шлю привет с хантыйской вотчины
Православною рукой.
(Наш современник. 2005. № 6. С. 127).

Позиция поэта не совсем обычна для подобного вида стихотворений: в летописи (см. «Повесть временных лет» под 1096 г., где записан рассказ новгородца Гюряты Роговича) В. Мазин нашел упоминания о своих собратьях – угре, за что и благодарен древнему новгородскому рассказчику; сам поэт относит себя к потомкам угры – к хантам; а для нерусского человека вполне простительно объясняться кудрявыми и не совсем правильными выражениями на русском языке, – такова, конечно, маска или шутка поэта.

Прочие поэты более единообразны в своем любовании старинной книгой. Поэтесса *Н.А. Мирошниченко* в стихотворении «Береза» восславила даже свиток: «Свиток мой древний, где каждая главка про Русь» (Наш современник. 2004. № 11. С. 5). Но снова приходится возвращаться к вопросу об отчетливости исторических представлений у поэтов. Конечно, без мешанины понятий поэтесса не обошлась (свиток состоял из подклеенных друг ко другу документов, писанных на столбцах, и не содержал глав; сам термин «глава» – поздний). Ту же смесь

времен встречаем в восхищенном стихотворении *И.Н. Хрущ* «Каллиграф» (цикл «Россия! Где твой свет высокий?»):

Витиеваты древних письмена.
Дрожит перо в ручищах каллиграфа,
Когда он пишет: даты, имена
… … …
Расписывает буквы вензелями
… … …
А он сидел прикован, как цепями,
К пергаменту с витыми вензелями.
(Наш современник. 2006. № 7. С. 152).

В описании древнерусских почерков и писцов у поэтессы смешались века XI–XIII и век XVII: ведь в раннее время писали на пергамене (а не на пергаменте!) строгим уставом и полууставом, вовсе не витиеватым; а в позднее время скорописный почерк на бумаге мог стать и витиеватым, но без вензелей, больше характерных уже для росчерков начала XIX в. Смесь времен ощутима и в облике «каллиграфа», профессионального, очень старательного и философичного в ранние времена, но, вполне возможно, уже не профессионального и не каллиграфичного, а случайного и торопливого писца XVII в., который с дрожащим пером «в ручищах» сообщает «даты, имена». Все это И.Н. Хрущ намешала в одном человеке.

Не совсем ясно, к чему призывает *А.В. Шацков* в стихотворении «Опальный инок» (цикл «Край света»), – быть скромным или отказаться от переписывания:

Сотри свое имя-изотчество –
Захлопни Лаврентьевский свод
(Москва. 2001. № 6. С. 91).

Однако в большей степени привлекают современных поэтов не столько малодоступные рукописные, сколько виденные ими старопечатные книги. Так, *Н.Б. Рачков* в стихотворении «Душа божественное чтит…» дал поэтическое книговедческое описание такой красивой Псалтыри:

Из смутного XVII века
В телячьей коже редкая Псалтырь.
Заглавных букв малиновые звоны,
Церковных слов узорная резьба...
(Москва. 2005. № 12. С. 100).

Выражение «слов узорная резьба», возможно, свидетельствует о том, что поэт описал именно печатную книгу, которую, кстати говоря, можно даже идентифицировать: если Н.Б. Рачков отнес ее к Смутному времени, то это могла быть только известная московская «Псалтырь» 1615 г. с предисловием о событиях Смуты. Остальное – «звоны».

Другой поэт – *А.Н. Логвинов* – в стихотворении «Старое евангелие» яснее отметил, что он держал в руках и даже нюхал книгу именно старопечатную:

Тяжелый металл переплета,
Закладки злаченая нить.
... ...
... давнего времени слог.
Что буквы, что древности речи
... ...
Странички по запаху сладки,
Местами потерта печать...
(Наш современник. 2004. № 4. С. 6).

Правда, оговорка А.Н. Логвинова о потертости печати, то есть о потертости книжного шрифта, не является удачным указанием на древность книги, но, напротив, уводит нас в гораздо более поздние времена, когда книги стали печатать на нестойкой целлюлозной бумаге; в старых же книгах, напечатанных на тряпичной бумаге, шрифт оставался свежим на века, не истирался, не выцветал и не сыпался.

Завершим наш обзор древнерусской тематики в новейшей русской поэзии несколькими примерами использования старинных стилистических средств современными поэтами. Древнерусское слово поэты вообще-то ценят и слагают ему хвалу. Вот и *Н.Б. Рачков* в стихотворении «Русское слово» (цикл «Говорить в России о России») напомнил:

Оно, как державная слава,
Сияло в устах Ярослава.
(Москва. 2003. № 7. С. 111).

Но тут поэт, кажется, перехвалил князя или перепутал князей. Дело в том, что, судя по летописи, красноречием отличался не Ярослав, а Святослав.

Для удачного использования древнерусских оборотов в поэтической практике нужно все же более тонкое знание памятников. Поэтому редко, но все же встречается у отдельных стихотворцев использование именно стиля определенного древ-

нерусского писателя. Например, *Ю. М. Лощиц* в цикле «Христос ругается» обличил в манере протопопа Аввакума нынешние наши нравы и «Москву блудливую»:

До пуза бороды,
ноздри гневливые,
уста медовые,
слова елейные,
ручищи пухлые,
сребролюбивые,
утробы плотные,
препохотливые.
(Наш современник. 2005. № 10. С. 43–44).

Голосом Аввакума Ю. М. Лощиц усилил саркастичность своего произведения.

Иногда поэты вспоминают выражения из отдельных памятников. Так, *С. Викулов* в поэме «Ханский ярлык» о событиях 1261 г. в речах своих персонажей цитировал то «Слово о погибели Русской земли», то, кажется, летописную повесть о нашествии Батыя:

... украсно украшен
Удел твой, князь, и город Городец!
... ...
Ведун-монах со скорбью написал:
... ...
– Секуще стар и млад, акы праву...
(Москва. 1995. № 2. С. 38, 40).

Подобные вкрапления, сделанные поэтами ради придания «древнерусского» колорита изложению, чаще всего встречаются в виде отдельных словосочетаний: «быть исполчаему на рать» (*Муравьева М.* // Наш современник. 2000. № 6. С. 37); «я бью перед вами челом» (*Воробьев В. В.*Простите // Наш современник. 2004. № 4. С. 130. Цикл «Не дай святынь на поруганье»); «премногое ныне в печальных цветах, слезами премногие век оросили» (*Хомутов С. А.* // Наш современник. 2005. № 8. С. 78); и т. д.

Предварительные итоги проделанного нами обзора сводятся к следующему выводу, ясному вообще-то заранее, но теперь более детализированному: подавляющее большинство рассмотренных стихотворных произведений в той или иной мере относится к явлениям так называемой «массовой культуры» и содержит некоторые типичные для нее признаки.

Первый признак принадлежности к массовой культуре – сравнительно узкий круг тем и источников у стихотворцев, когда они пишут о Древней Руси. Поэты пользуются, как правило, самыми популярными и легко доступными материалами – историческими пособиями разного рода, местными путеводителями, отдельными работами знаменитых историков, творениями великих поэтов прошлого (особенно А. С. Пушкина), а также постоянно переиздаваемыми текстами широко известных древнерусских литературных шедевров (особенно «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве», «Сказания о Мамаевом побоище», «Жития» протопопа Аввакума и пр.).

Второй признак принадлежности к массовой культуре – поверхностность поэтов в понимании древнерусских материалов, смутность их припоминаний о когда-то давно, притом невнимательно прочитанных памятниках. Большую часть усилий стихотворцы тратят на причудливое переосмысление памятников и запомнившихся выражений из них и при этом допускают ошеломляющую мешанину разновременных, относящихся к разным векам понятий и деталей, потому что на самом деле такие поэты, кого бы они ни упоминали или ни описывали, представляют себе некие обобщенные образы людей Древней Руси вообще, даже превращают их в знаковых носителей неких, в основном политических или нравственных, идей.

Лишь изредка бывают исключения, когда поэты, вчитавшись в памятники, почти без штампов создают одушевленные романтические варианты и даже как бы цветные миниатюры на основе древнерусских произведений; такие единичные художественные сочинения, конечно, уже нельзя отнести к массовой культуре.

Кроме того, в особый разряд новейшей стихотворной продукции на древнерусские темы можно выделить по своей сути учебно-познавательные рифмованные писания, авторы которых не утруждают себя осмыслением или переосмыслением памятников, а пересказывают фактографию древнерусских источников, готовят туристические зарисовки виденных ими материальных памятников Древней Руси или составляют декоративные стилизации под древнерусскую речь. Чаще всего это тоже явления массовой культуры наших дней, ее просветительское крыло.

Третьим же признаком принадлежности стихотворений на древнерусские темы к массовой культуре служит ходульность, прямолинейность и единообразие авторских настрое-

ний и идей. Ведь для чего эти авторы чаще всего сочиняют? – для демонстративного выражения своего патриотизма. Поэты составляют добровольную политическую дружину в массовой культуре. Отсюда следуют в новейшей поэзии бесконечное возвеличение и идеализация Древней Руси и православия, древнерусского войска и его побед, духовной стойкости русского народа и его руководителей – параллельно со скрытым или открытым осуждением нашей современности за отступление от вековых устоев жизни.

Но наряду с воинствующими или стонущими охранителями старины появились, если можно так выразиться, либеральные поэты, которые изобретательно занялись переоценкой того, что ранее безусловно считалось плохим: стали симпатизировать язычеству, деревлянам, татаро-монголам, патриарху Никону и пр. Эта новая струя в массовой культуре добавляет пока лишь формирующиеся идеологические штампы, притом в конгломерате со штампами старыми.

Есть еще четвертый, пожалуй, самый типичный признак принадлежности к массовой культуре у новейших стихотворений на древнерусские темы: преобладающая склонность к банальности, к риторическим перепевам того, что когда-то было сравнительно новым и оригинальным. Для сопоставления с недалеким прошлым поэзии можно использовать, например, книгу *В.В. Сорокина* «Где твой меч? Стихи, поэмы, баллады» (М., 2006). Автор, регулярно печатавшийся в журнале «Наш современник», собрал в книге свои произведения за 1960–1980-е годы с не совсем привычными для тех лет темами и образами. На фоне творчества В. В Сорокина как активного представителя поэзии второй половины XX в. видно, насколько все-таки вторичны в своем большинстве современные русские поэты, затрагивающие древнерусские темы. Речь идет, конечно, не о прямых заимствованиях из В. В. Сорокина у новейших поэтов, а о продолжении прежних поэтических тенденций второй половины XX в. в новейшей поэзии конца XX – начала XXI вв. при обращении к темам древнерусским.

Рассмотрим (кратко) сходную тематику обоих этих периодов. Так, о крещении Руси В. В. Сорокин писал еще в 1969 г.:

Скоро грянет крестительный гром
Над великой языческой Русью.
... ...
Там тяжелый искрящийся крест

Подымает Владимир высоко!
… … …
Где вы, идолы гордых славян?..
… … …
Никогда на земле – одному
Бесконечно не будут молиться.
… … …
Время грозно меняет богов,
Рушит статуи,
даже стальные!..
(Крещение. С. 22–23).

И уважение к языческой Руси, и превознесение величия крещения, и язвительные намеки на нашу современность – все эти характерные новые мотивы поэзии 1960–1980-х гг. сохранились и растиражировались в новейшей русской поэзии, только как-то обмельчали.

Значимые упоминания имен из «Слова о полку Игореве» использовал В. В. Сорокин уже 30 лет назад:

Я твой правнук, Бояне.
Местью венчанный князь.
(Монолог гусляра. С. 34).

Или:

А в Ярославе вышла Ярославна
За реченьку, за горькие луга:
– А где же ты, мой суженый, мой славный?
(Бессмертный маршал. С. 313).

В новейшей русской поэзии эти и другие имена из «Слова о полку Игореве» произносятся лишь с большей напыщенностью.

Далее. Евпатия Коловрата чаще всех древнерусских героев описывал В. В. Сорокин:

Идет –
Коловрат!
Коловрат!
И кованый шлем серебрится,
И конь под седлом горячится
… … …
Русый волос Евпатия
тронула вглубь седина,
На кудрявых висках,
на чупрыне поземка видна.

Так Евпатий тяжел,
так Евпатий комлист и высок,
Под обувкой, прессуясь, приокский сочится песок.
(Евпатий Коловрат. С. 164, 172).

Российских поэтов постсоветского периода не привлекает фигура народного героя Евпатия Коловрата, зато русыми могучими воинами предстают древние варяги-русы, – сохранившийся штамп перенесен теперь на других персонажей.

По поводу татаро-монгольского нашествия на Русь новейшие поэты предельно лаконичны, хотя, к примеру, В. В. Сорокин в 1968–1975 гг. создал целую поэму «Евпатий Коловрат» и ряд стихотворений. Но, оказывается, опора на традицию вовсе не исчезла, и для перенимания традиции нынешними поэтами показательна одна «неправильная» деталь. В 1960 г. В. В. Сорокин в стихотворении «Я россиянин» упомянул ятаган:

Я приседал под свистом ятагана.
Мой путь прямой, и я не мог свернуть
Перед ордой лавинной Чингис-хана (С. 9).

Тот же, скорее, турецкий, а не татаро-монгольский ятаган в 1992 г. упомянул В. И. Кочетков в стихотворении о прямом и гордом князе Михаиле Черниговском; только в 1992 г. эти ошибочные ятаганы стали гораздо злее.

О Куликовской битве В. В. Сорокин написал много в 1970-е гг., и почти все его мотивы перешли в новейшую русскую поэзию. Вот примеры высказываний В. В. Сорокина:

И Пересвет

Сверкнул в седле крестом булатным.
(Поэма «Дмитрий Донской». С. 214).

На бессмертный подвиг ратный
Русь Ослябю позвала.
... ...
Он скакал и меч навстречу
Поднимал перед ордой.
Падал яростно на плечи
Волос русый и густой.
(Воин. С. 40).

И над полем седым Куликовом
Низко-низко плывут облака.
(В синей дреме родного рассвета... С. 36).

Облака идут-плывут на воле,
Звон мечей затих и стук подков
Отдыхает Куликово поле
В синеве торжественных веков.
(Поле Куликово. С. 49).

В новейшей русской поэзии, пожалуй, лишь усилилась только лирическая обработка тех же тем вместо эпической их подачи.

Далее. Облик Ивана Грозного В.В. Сорокин рисовал неоднократно («престольный, мрачный Иоанн... Сухой прищур и бледное лицо»; «воинственный и грозный Иоанн, как выжженный булыжник, темнолицый» – с. 55, 297–298). Новейшая же поэзия, как мы уже отмечали, избегает слишком тягостных, остро трагических тем и сцен, и поэтому образ Ивана Грозного в ней фактически отсутствует.

Смутное время сравнительно кратко поминал В.В. Сорокин («...Минин и Пожарский вдруг ополченье повели!»; «мы пропадем без Мининых, Пожарских, – Сусаниных готовьте» – с. 62, 252), – еще лаконичней поминает Смуту новейшая русская поэзия.

Тему казачества В.В. Сорокин затронул очень благожелательно:

Седой Урал в сиянье небывалом.
Здесь подымал Ермак охранный меч
Над рваною Кучумовой ордою.
(Бессмертный маршал. С. 291–292).

Уважительное отношение к казачеству продолжено новейшей русской поэзией, но не всеми поэтами, некоторые из которых предпочитают говорить на эту тему с ухмылкой в адрес недозволительно вольных людей.

Наконец, у В.В. Сорокина редко, но все же встречались высказывания о старинных книгах и стилизация древнерусской речи:

Донской нахмурился, поник.
Пред ним – гора мудреных книг.
(Дмитрий Донской. С. 180).

И как поведал
мудрый летописец:
«Здесь было раны
некому лечити!..»
(Евпатий Коловрат. С. 161).

Эти темы в новейшей русской поэзии подхвачены с особенным старанием и любованием как отражение недавней «моды» на древнерусскую литературу и культуру.

В целом, можно убедиться в том, что когда новейшая русская поэзия касается древнерусских тем, то она «ведет себя» как явление массовой культуры, быстро реагирующей на государственные и общественные потребности сегодняшнего дня, и этой оперативной душеспасительной миссией поэты гордятся.